

На обед они отправились в частный ресторан, где готовили блюда цзянчжэской кухни. Шэнь Цзюнь спросил Пэй Цинъи, куда бы тот хотел пойти, и тот, подумав, выбрал именно это место.

Цзянчжэская кухня лёгкая и изысканная. Они заказали целый стол блюд — выглядело много, но на самом деле порции были небольшими.

Шэнь Цзюнь предложил ему приступить, но Пэй Цинъи, слегка смутившись, сказал, что хочет сначала загадать желание. Шэнь Цзюнь впервые видел, чтобы кто-то загадывал желание перед едой, и с улыбкой стал наблюдать.

Юноша сложил ладони, закрыл глаза, и его длинные, густые чёрные ресницы вздрогнули.

Раньше бабушка часто водила его сюда. Пэй Цинъи подумал: если бы в этот особенный день она могла увидеть его, наверное, была бы довольна.

«Храни меня и этого мужчину, чтобы мы жили в любви до старости, бабушка», — мысленно произнёс Пэй Цинъи. «Как только я развяжу тот узел в сердце, я оставлю все посторонние мысли и буду жить с ним спокойно, больше ни о чём не мечтая».

Он открыл глаза и увидел, что Шэнь Цзюнь смотрит на него, спрашивая, что он загадал.

Пэй Цинъи ответил, что пожелал господину здоровья.

Шэнь Цзюнь рассмеялся и сказал, что желания нужно загадывать для себя, а потом тоже закрыл глаза и, подражая Пэй Цинъи, загадал своё.

Пэй Цинъи спросил, что именно, но тот не стал рассказывать.

После получения свидетельств они вместе вернулись в дом Шэнь. Матушка Шэнь, увидев их свидетельства, обрадовалась даже больше них самих. Отвернувшись, она платочком промокнула уголки глаз, сказав, что их младшенький наконец-то обзавёлся семьёй.

Матушка Шэнь накрыла богатый стол, велела всем собраться у неё, чтобы заранее отпраздновать и заодно обсудить детали свадебного пира.

Отец Шэнь, обычно молчаливый и суровый, сидя на почётном месте, лишь кратко высказал пожелание, чтобы молодые жили дружно, в мире и согласии, и впредь не допускали раздоров. Матушка же Шэнь, глядя на Шэнь Цзюня и Пэй Цинъи, несколько раз была на грани слёз.

Фань Шувэнь долго уговаривала матушку Шэнь, говоря, что в радостный день не стоит плакать, и та наконец успокоилась, лишь крепко сжав руку Пэй Цинъи и сказав, что если Шэнь Цзюнь посмеет его обидеть, пусть сразу жалуется ей, — она своего сына покрывать не станет.

Пэй Цинъи ответил, что тот и не подумает его обижать, поднял глаза и встретил нежный взгляд мужчины, после чего с улыбкой опустил ресницы.

Он слышал, что третьего господина матушка Шэнь родила уже в зрелом возрасте, роды были тяжёлыми, едва не стоившими жизни обоим. Даже после рождения младший сын с детства был слаб и болезненен, много раз оказывался на волоске от смерти, но, к счастью, всякий раз выкарабкивался. А повзрослев и окрепнув, и вовсе закалился.

Матушка Шэнь из-за этого вечно болевшего в детстве сына совсем извелась, и её предпочтение было неизбежным. Когда-то Шэнь Фэн плохо справлялся с управлением компанией, именно

матушка Шэнь напрямую велела отцу Шэнь сместить его и поставить на место младшего сына.

По этой же причине Пэй Цинъи, как предмет её привязанности, тоже пользовался расположением — матушка Шэнь относилась к нему исключительно хорошо.

Но чем больше матушка Шэнь его выделяла, тем больше это раздражало старшую ветвь семьи. Он отчётливо чувствовал: по мере того как матушка Шэнь проявляла к нему благосклонность, Фань Шувэнь смотрела на него со всё большим недовольством.

Впрочем, Пэй Цинъи мало заботило, как на него смотрят. В конце концов, между ним и Шэнь Минкэ уже не осталось ничего, что можно было бы спасти, не так ли? Его лишь слегка занимало, почему второй господин Шэнь никогда не приводил с собой семью. Даже в прошлый раз, когда отец Шэнь велел всем вернуться, Шэнь Чжэн приехал один.

За столом матушка Шэнь кстати спросила об этом, поинтересовавшись у Шэнь Чжэна, когда вернётся его супруга.

Шэнь Чжэн ответил, что её отправили в командировку, вернётся через неделю, но к свадьбе Шэнь Цзюня точно успеет.

Пэй Цинъи встрепенулся и вспомнил, что рассказывала о второй госпоже Сяо Тао. Та говорила, что вторая госпожа познакомилась со вторым господином ещё в армии, её звание было не ниже его, настоящая героиня! Хотя вторая госпожа, как и второй господин, круглый год служила и домой возвращалась только по праздникам, но каждый раз была к прислуге щедра, характер — прямой и горячий, с ней легко поладить.

Сяо Тао ещё вполголоса жаловалась, что у первой госпожи слишком много мыслей в голове, с ней общаться не так-то просто, а когда вернётся вторая госпожа, Пэй Цинъи наверняка с ней сойдётся.

Не знал уж как, но Пэй Цинъи стал центром этого застолья. Матушка Шэнь явно к нему благоволила, всё спрашивала с него, и остальным волей-неволей приходилось переводить разговор на них.

— Бабушка, я хочу кое-что сказать, — внезапно, среди всеобщей беседы после еды и вина, произнёс Шэнь Минкэ.

— Что такое? — матушка Шэнь посмотрела на него.

— Я хочу... когда дядюшка будет играть свадьбу, можно мне привести с собой друга?

— Друга? — матушка Шэнь нахмурилась. — Это не тот твой друг-актёр? Фамилия Юй?

Шэнь Минкэ поспешно ответил:

— Это мой парень, я как раз собирался его вам представить. Сейчас самое время — как раз на свадьбе дядюшки познакомить со всеми домашними.

Матушка Шэнь ещё ничего не сказала, а Шэнь Фэн уже рявкнул:

— Минкэ, не дури! Как можно на свадьбу твоего дядюшки приводить каких-то непонятных людей!

Шэнь Минкэ вспыхнул:

— Что значит «непонятных»? Сяо Юй вы же знаете!

— Знаем, как же не знать, — раздался сладкий, но ледяной девичий голос. — С его скверным характером он на свадьбе дядюшки, чего доброго, всех гостей перессорит и всё испортит!

Шэнь Минкэ опешил. Он не ожидал, что против выскажется так много людей. Он взглянул на матушку Шэнь — та всегда его баловала. — Бабушка, вы только послушайте, что Минъянь болтает! Врёт ведь!

Но он и не подозревал, что даже в привязанностях есть очерёдность. Сердце матушки Шэнь больше всего склонялось к её младшему сыну, и кренилось это сердце чуть ли не через весь океан. Услышав слова Шэнь Минъянь, она нахмурилась, покачала головой и сказала:

— Кээр, не надо. Твой дядюшка наконец-то женится, дело всей жизни, всего один раз. Гости все — важные персоны, как можно пускать какого-то актёрца? Происхождения-то никакого, только опозорим семью Шэнь. Не говори больше об этом.

Шэнь Минкэ не ожидал, что даже бабушка его не поддержит, запаниковал и, не подумав, указал на Пэй Циньи:

— А у него разве происхождение лучше? Сяо Юй ведь ничем не хуже его!

Отец Шэнь обычно мало говорил, но, увидев этот указывающий палец, пришёл в ярость, и в голосе его зазвучала вся суровость:

— Шэнь Минкэ, немедленно опусти руку!

...

Он привык обращаться с Пэй Циньи именно так — позвал, и тот пришёл, прогнал, и тот ушёл, — когда же тут задуматься, что теперь нужно относиться к нему как к старшему, с почтительностью? Трёхлетняя привычка, которую вдруг приходится ломать, — вот настоящая проблема. Услышав гневный окрик деда, Шэнь Минкэ вздрогнул, по спине пробежал холодный пот. Как он снова забыл, что сейчас все смотрят?

— Дедушка, я... я виноват.

Шэнь Минкэ тут же шмыгнул за спину отца, торопливо оправдываясь:

— Я просто сгоряча, не подумал.

Если бы сегодня присутствовала одна матушка Шэнь, может, она бы его и простила. Но отец Шэнь был к потомкам строг и больше всего ценил правила. Хотя за спиной деда внуки и называли его «древним реликтом», при нём никто не смел распускать язык.

— Совсем обнаглел, никакого уважения к старшим!

Отец Шэнь, похоже, и вправду разгневался. Он управлял семьёй Шэнь больше пятидесяти лет, но чтобы младший тыкал пальцем в старшего — такое видел впервые. Хотя Пэй Циньи ещё и не вошёл в их семью официально, он уже давно считал его своим. Как можно было допустить такое непочтительное отношение со стороны Шэнь Минкэ? — Ты ещё возьми да сравни свою тётушку с каким-то лицедеем! Хорош!

Шэнь Фэн тоже с холодным лицом вытащил его из-за спины, сквозь зубы процедив:

— Ах ты, непутевый! Быстро извинись перед тётушкой!

Пэй Цинъи, хоть и был этому рад, но при всех нужно было поддерживать образ великодушного и мягкого человека, поэтому он попытался заступиться:

— Папа, мама, ничего страшного. Минкэ просто забылся, простите его на этот раз.

Матушка Шэнь вздохнула, собираясь что-то сказать, чтобы разрядить обстановку.

Но голос Шэнь Цзюня прозвучал ровно и весомо, достаточно громко, чтобы услышали все, не оставляя места для возражений:

— Подойди и извинись перед тётушкой.

— Господин...

Пэй Цинъи хотел что-то сказать, но Шэнь Цзюнь сжал его руку, покачал головой и тихо произнёс:

— Ты этого достоин.

Затем его спокойный, но леденящий взгляд упал на Шэнь Минкэ. Хотя он был куда мягче и снисходительнее сурового взгляда отца Шэнь, скрытый в нём смысл заставил Шэнь Минкэ похолодеть ещё сильнее.

<http://bllate.org/book/15935/1424345>